

ФИЛОСОФИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И «МЕХАНИЧЕСКИЕ» ЛЮДИ В ВОЕННЫХ РАССКАЗАХ А. ПЛАТОНОВА

Хрящева Н. П.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-7498>

А н н о т а ц и я. В статье рассматриваются версии «механических» людей в творчестве А. Платонова, прослеживается их происхождение и последующий процесс развития. Методологической основой являются труды, предлагающие прочтение Платонова с позиций следующих научных подходов: контекстуального (М. М. Бахтин, В. Е. Хализев), где для нас будут важны смыслы, порождаемые внетекстовой действительностью; и мотивного (Б. М. Гаспаров, М. Я. Поляков), базирующегося на принципе лейтмотивного построения повествования. В центре внимания – анализ образа «механического» человека в рассказе «Неодушевленный враг» (1941?). Персонажный ряд получен путем «расщепления» основного образа на двух антиномичных героев – безымянного русского стрелка и немецкого унтер-офицера Рудольфа Оскара Вальца. Сюжет рассказа определен внутренним диалогом автора, овнешненным мнениями и поступками этих героев. Наблюдения над характером изображения немца отправляют нас к «механическим» людям платоновской драматургии 1930-х годов, показывая их «генетическое» родство, суть которого проговаривается Платоновым в Записных книжках 1941–1942 гг., где писатель отвергает творящееся в мире как пустотосозидание. Уподобленный «граммофонной пластинке» немецкий солдат являет собой крайнее «уменьшение человеческого духа». В этой перспективе фигура Рудольфа Вальца – прием чисто художественного остранения. Подтверждением этому служит смерть Вальца. Она оказывается в одном ряду с расправами Творцов платоновской драматургии со своими неудачными творениями: русский стрелок, подобно им, расправляется с Вальцем как «неодушевленной сущностью».

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. Платонов; Записные книжки; драматургия; рассказы; «механические» люди.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Хрящева, Н. П. Философия существования и «механические» люди в военных рассказах А. Платонова / Н. П. Хрящева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Том 27, № 2. – С. 100–111.

PHILOSOPHY OF EXISTENCE AND “MECHANICAL” PEOPLE IN A. PLATONOV’S WAR SHORT STORIES

Nina P. Khriashcheva

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-7498>

A b s t r a c t. The article examines the versions of “mechanical” people in the works of A. Platonov and traces their origin and subsequent process of development. The methodological basis of the study is made up by the works interpreting Platonov’s creative activity from the positions of the following scientific approaches: the contextual approach (M. M. Bakhtin, V. E. Khalizev), according to which meanings generated by extra-textual reality are important for this research and the motif-centered approach (B. M. Gasparov, M. Ya. Polyakov), based on the principle of leitmotif narrative composition. The focus is on the analysis of the image of a “mechanical” person in the story “Inanimate Enemy” (1941?). The character series is obtained by “splitting” the main image into two antinomic characters – an inanimate Russian shooter and the German non-commissioned officer Rudolf Oscar Waltz. The plot of the story is determined by the author’s internal dialogue, objectified by the opinions and actions of these characters. Observations on the nature of the image of the German send the reader to the “mechanical” people of Platonov’s dramaturgy of the 1930s, showing their “genetic” kinship, the essence of which is declared by Platonov in the Notebooks of 1941–1942, where the writer rejects what is happening in the world as creation of emptiness. Likened to a “gramophone record”, the German soldier manifests an extreme “reduction of the human spirit”. In this perspective, the figure of Rudolf Waltz is a technique of purely artistic defamiliarization. This idea

is confirmed by Waltz's death. It is on a par with the reprisals of the Creators of Platonov's dramaturgy with their unsuccessful creations: the Russian shooter, like them, destroys Waltz as an "inanimate entity".

Key words: A. Platonov; Notebooks; dramaturgy; "mechanical" people.

For citation: Khriashcheva, N. P. (2022). Philosophy of Existence and "Mechanical" People in A. Platonov's War Short Stories. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 2, pp. 100–111.

Рассказ «Неодушевленный враг» был написан в Уфе, в эвакуации, скорее всего, в конце 1941 года, так как уже в марте 1942-го он был переправлен в Москву, о чем свидетельствует письмо А. Платонова П. А. Трошкину от 06.03.1942, в котором писатель сообщает, что «Неодушевленный враг» уже отослан Владимиру Елагину, редактору журнала «Дружные ребята»¹. Другие рассказы, написанные в это же время («Божье дерево», «Дед-солдат», «Крестьянин Ягафар»), вскоре вышли из печати, а «Неодушевленный враг» (первые варианты его названия в автографе «История жизни», «В земном прахе») при жизни писателя так и не был издан. Более того, когда пришло время его публикации (1965 год), у рассказа появился редакционный подзаголовок «Философское раздумье о советском солдате и солдате-фашисте», который мало способствовал адекватному пониманию его странной образности.

Некоторый свет на внешний план изображения проливают комментарии Н. В. Корниенко. Она высказывает вполне обоснованное предположение: поскольку «в периодике 1941 года постоянно печатались самые разные материалы... изъятые у пленных или убитых солдат и офицеров германской армии, Платонов, скорее всего, был знаком с „Памяткой германского солдата“» [Корниенко 2012: 516], которая не раз воспроизводилась в газетах как документ убитого под Ленинградом немецкого лейтенанта:

1) Утром, днем, ночью думай о фюрере, пусть другие мысли не тревожат тебя, знай – он думает и делает за тебя <...> ты, немецкий солдат, неуязвим.

2) Германец не может быть трусом <...> когда на тебя нападут русские варвары, ты подумай о фюрере и действуй решительно <...> Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских <...> Убивай, этим самым спасешь

себя от гибели, обеспечишь будущее всей семьи и прославишься навеки. <...>

3) Германец – абсолютный хозяин мира <...> как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай о возвышенном, о фюрере – ты победишь» [Корниенко 2012: 516–517].

В идеолого-публицистическом ключе какое-то время рассказ и прочитывался.

В статье 1999 года Е. А. Яблоков впервые обратил внимание на несоответствие «однозначных до декларативности выводов героя-рассказчика <...> явно „избыточной“ символическо-аллегорической „нагрузке“ многих деталей» [Яблоков 1999]. В попытке более точного прочтения рассказа ученый связал его с «большим платоновским контекстом» в плане «генезиса» ключевых «мотивов» [Яблоков 1999]. В результате сделанных наблюдений исследователь пришел к важным выводам:

1. «Уход героев „Неодушевленного врага“ в „утробу земли“ предстает залогом воскрешения – перерождения».

2. «Два человека, родившиеся из одной подземной „утробы“ <...> „в обнимку“ ... могут быть названы если не „близнецами“, то <...> „двойниками“».

3. «<...> враг <...> пребывает не вне героя-рассказчика, но внутри него – предстает <...> не материальным существом, а лишь феноменом сознания», некоей «неодушевленностью».

4. «В „Неодушевленном враге“ актуализируется <...> не столько „внешний“, идеологический конфликт, сколько „внутренний“ – между „душевностью“ и рассудочным рационализмом» [Яблоков 1999: 55–65].

Методология исследования

Наша задача определяется попыткой дополнить имеющиеся наблюдения путем расширения контекстуальных связей (М. М. Бахтин,

¹ Е. А. Яблоков помечает создание рассказа 1943 годом [Яблоков 1999]. Уточнение даты создания «Неодушевленного врага» важно, так как определяет понимание связи необычной образности с осмыслением случившейся катастрофы как социально-исторического явления, имеющего «вечные» корни.

В. Е. Хализев) рассказа с творчеством Платонова 1930-х годов (прежде всего драматургией) в аспекте изображения глубинных причин деформации человеческой природы, порождаемых внетекстовой реальностью; и мотивного анализа в его нетрадиционном значении (Б. М. Гаспаров, М. Я. Поляков), базирующегося на принципе лейтмотивного построения повествования.

Фабульная ситуация рассказа дана как «фактологическая» для военного времени: «...воздушной волной от разрыва фугасного снаряда» русский солдат «был приподнят в воздух <...> Затем был брошен обратно на землю и погребен сверху ее разрушенным прахом», т. е. контужен. Придя в себя, русский стрелок обнаруживает рядом с собой столь же обесиленного контузией немецкого солдата. Могильная изоляция противников обретает черты художественной объективации, являясь некой, по-бахтински говоря, «монадой, отражающей в себе все и отражаемой во всем».

Возможность проявления дополнительных смысловых «горизонтов» в рассказе «Неодушевленный враг» определяется несколькими обстоятельствами: во-первых, основательной изученностью учеными военной биографии Платонова, получившего первые впечатления о войне уже в июле 1941 года, во время поездки на Ленинградский фронт [Спиридонова 2014: 7]. Во-вторых, недавними публикациями архивных документов, писем, записных книжек, той особой ветви литературы, которую В. Е. Хализев назвал «подобыскной» [Хализев 2001: 26]. Прочитируем важнейшие высказывания Платонова относительно события войны из «Записных книжек» 1941–1942 гг.¹

Современная война как инстинктивное, стихийное, безумное по форме, искание выхода из невозможного своего положения. Искание не сознанием, но практикой, страданием, мукою etc... (ЗК, 225).

Очень важно.

Смерть. Кладбище убитых на войне. И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни не сбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что

в сущности, убито – не одни тела. Великая картина жизни и [душ] погибших душ и возможностей. Дается мир, каков бы он был при действительности погибших, – лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне, – там убита возможность прогресса (ЗК, 231).

Война может стать постоянным явлением: к<a>к род новой промышленности, вышедшей из двух причин – некоторого «свободного» избытка производительных сил и «опустошения душ». Война, весьма возможно, превратится в долгое свойство человеческого общества (ЗК, 237).

«Вечная война» как выход в другое историческое состояние (фашизм) (ЗК, 237).

Не пушками лишь решится война, но смертью тысяч... Тут побеждаем мы.

Главное, самое главное (ЗК, 240).

По смерти миллионов людей – живых замучает совесть об умерших (ЗК, 241).

Земная жизнь Платонова «вбирает» в себя две войны: в юности он участник Гражданской, в зрелом возрасте – Великой Отечественной. Его дневниковые записи 1941–1942 гг. дышат глубоким осмыслением этого жизненного цикла в контексте социально-исторической ситуации – русской и мировой. Платонов прозорливо отмечает, что любая война есть поиск решения внутренних проблем «не сознанием, но <...> страданием, мукою...». Трагические последствия войны он видит в «несбывшейся жизни <...> убитых на войне», что неизбежно отдаляет «лучший мир», ибо убитыми оказываются «не одни тела», а «души погибших» в огромности, новизне, значимости их потенциальных возможностей. Война, таким образом, убивает мир более совершенный, «чем действительный». Вместе с тем искаженным оказывается существование в бытии у «оставшихся в живых». Военные испытания «опустошают их души». Задолго до Астафьева Платонов заговорит о нравственном смысле победы, достигнутой смертью миллионов людей.

Записные книжки Платонова, по справедливому мнению В. Е. Хализева, «являются своего рода ключом к пониманию его художественных произведений, где много недо-

¹ Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публикация М. А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Цит. по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

молвок и умолчаний» [Хализев 2001: 26]. Именно виртуозное владение писателем приемами тайнописи позволяло ему пробиваться сквозь цензуру. Об этих приемах он скажет в статье «Пушкин – наш товарищ» как о «способе „второго смысла“, где решение достигается... всей музыкой, организацией произведения, – добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения, другого способа для таких вещей не существует» [Платонов 2011: 78]. Пушкину, по мнению Платонова, нужно прибегать к очень осторожной, иногда даже двусмысленной, форме, потому что он «очень связан и ограничен специфическими условиями (цензором-царем, своим общественным положением и пр.)» [Там же]. В этих рассуждениях писателя нельзя не увидеть отражение собственных принципов работы, адресованных своему читателю.

Попытаемся взглянуть в текст «Неодушевленного врага». Обратимся к вступительному фрагменту рассказа. Он едва заметно отделен от основной его части типом повествовательного слова, тяготеющего к безличной форме, где ощутима авторская позиция. Рассказ же в целом ведется от первого лица главного героя.

«Человек, если он проживет хотя бы лет до 20-ти, обязательно бывает много раз близок смерти или даже переступает порог своей гибели, но возвращается обратно к жизни <...> Смерть вообще не однажды приходит к человеку, не однажды в нашей жизни она бывает близким спутником нашего существования, – но лишь однажды ей удастся неразлучно овладеть человеком, который столь часто <...> иногда с небрежным мужеством – одолевал ее <...> Смерть победима, – во всяком случае ей приходится терпеть поражение несколько раз <...> Смерть победима, потому что живое существо, защищаясь, само становится смертью для той враждебной силы, которая несет ему гибель. И это высшее мгновение жизни, когда она соединяется со смертью, чтобы преодолеть ее, обычно не запоминается, хотя этот миг является чистой, одухотворенной радостью» [Платонов 2012: 25].

Упоминание о 20-ти летнем рубеже вряд ли случайно. Ощущение смерти как неразлучного спутника жизни, ее присутствия всегда рядом, по всей видимости, пришло к Платонову именно в эту пору. Так, в письме 1922 года к жене пи-

сатель вспоминал: «Не доучившись в технической школе, я спешно был посажен на паровоз помогать машинисту» [Цит. по: Спиридонова 2014: 21]. Этот опыт лег в основу описания паровозного крушения в нескольких произведениях и прежде всего в «Чевенгуре»:

«Дванов схватился за подоконник, чтобы выдержать удар <...> Потом мгновенно <...> вылетел из будки, чтобы прыгать <...> Близко бежала под ним крепкая прочная земля, которая ждала его жизни, а через миг останется без него сиротой. Земля была недостижима и уходила как живая <...> Теплая тишина тьмы заслонила зрение Дванова.

Дай мне еще сказать!.. – сказал Дванов и пропал в обступившей его тесноте.

Очнулся он вдалеке и один; старая сухая трава щекотала ему шею, и природа показалась очень шумной» [Платонов 1991: 85].

Земля за миг до возможной смерти автобиографического героя ощутила им матерью / женщиной, «живой», «ждушей его жизни, но недостижимой». Смерть приходит на ее место «теплой тишиной тьмы». Не внемля просьбе героя, она пытается забрать его в свою «тесноту». Но живые силы матери-земли: «щекочущая трава», «шумящая природа», – развеивая «тесноту» и «тишину тьмы», воскрешают героя.

Перед нами устойчивый характер изображения Платоновым пространств, где главное – «напряженность взаимопроникновения в них человеческого и космического» <...> человек словно влетает в такие пространства напряженностью своего «внутреннего зрения, составляя собою одно из звеньев жизни мира, и, напротив, такие пространства „впитываются“ в него, становятся непосредственной частью его тела, его собственным веществом» [Хрящева, Хрящев 2009: 128] Так, силой, защищающей русских солдат, становится сама Мать-Земля. Все углубления, ямки, пещеры в той или иной степени, обретая в рассказе свойство «материнской утробы», оказываются спасительным укрытием, дающим силы, воскрешающим к жизни. Вот ощущения русского стрелка, оказавшегося в земляной могиле:

«Но жизнь сохранилась во мне; она ушла из сердца и оставила темным мое сознание, однако она укрылась в некоем тайном, может быть последнем, убежище в моем теле и оттуда робко

и медленно снова распространилась во мне теплом и чувством привычного счастья существования. Я отогрелся под землей и начал сознавать свое положение» [Платонов 2012: 25–26].

Жизнь, почти ушедшая из тела и сознания героя, нашла убежище в душе, ибо только ей свойственно чувствовать «счастье существования» и этим чувством согревать человека. Таким образом, из трех ипостасей человека как образа и подобия Творца Платонов выделяет душу, спасающую и охраняющую жизнь.

Эстетика взаимопроникновения человеческого и космического определяет в рассказе способ художественного конструирования пространственно-временной организации в целом. Он подчинен принципу двойственности: два пространства – земное и подземное, два параллельно идущих боя – битва русского и немецкого войска на поверхности земли и рукопашное «барахтанье» двух, ослабленных контузией солдат – русского и немца под землей. Более того, внешняя тождественность их «поступающего сознания» (М. М. Бахтин), проявленная сходными жестами, порой начинает дышать близостью к «симметричности» фольклорной «пары», так как все их усилия направлены на то, чтобы не потерять друг друга в кромешной тьме подземелья вплоть до рождения в сознании русского стрелка мысли о мнимости врага:

«...и я подумал, что, может быть, его нет, что мне лишь кажется, что Вальц существует, – на самом же деле он один из тех ненастоящих, выдуманных людей, в которых мы играли в детстве и которых мы воодушевляли своей жизнью, понимая, что они в нашей власти и живут лишь нарочно» [Платонов 2012: 31].

Моделируя персонажей, Платонов прибегает к приему «расщепления» образа на два антиномичных персонажа: русского безымянного солдата-стрелка, ориентированного одновременно как на фольклорную традицию¹, так и на систему авторского сознания, мерцающего отдельными штрихами (автобиографизм вступления, герой, говорящий по-немецки); и немецкого унтер-офицера, названного пол-

ным именем, но невидимого в темноте и потому как бы существующего на правах фантомного создания, «выдумки».

Каков же смысл «выдуманного» персонажа в военной прозе Платонова и шире – в его художественной картине мира, каковы его корни, характер существования в бытии?

Сюжетное движение рассказа определяется внутренним диалогом автора, проявленным овнешненным контрапунктом мнений и поступков русского солдата и немца:

– Ты зачем сюда пришел? – спросил я у Рудольфа Вальца. – Зачем лежишь на нашей земле?

– Теперь это наша земля. Мы, немцы, организуем здесь вечное счастье, довольство, порядок, пищу и тепло для германского народа, – с отчетливой точностью и скоростью ответил Вальц (курсив мой. – Н. Х).

– А мы где будем? – спросил я.

Вальц сейчас же ответил мне

– Русский народ будет убит, – убежденно сказал он. – А кто останется, того мы прогоним в Сибирь, в снега и в лед... [Платонов 2012: 28–29].

Обращает на себя внимание тот факт, что Вальц живет не столько в реальности происходящего, сколько в логике пропагандистского внушения, начисто подменившего его собственное осмысление ситуации. Он считает русскую землю уже своей и готов организовать на ней «вечное счастье», понимаемое в популистско-фашистских категориях «дольства», сытости и «порядка». Автоматизм ответов определяется полной «сконструированностью» его сознания фашистской пропагандой: «с отчетливой точностью и скоростью ответил», «сейчас же ответил мне», «убежденно сказал». Такая манера речи становится характерной чертой немца. Но русскому солдату важно понять, есть ли в Вальце какое-либо индивидуально-человеческое качество, рожденное его жизненным опытом:

– Что ты делал в Германии до войны? – спросил я далее у Вальца.

– Я был конторщиком... А теперь я солдат фюрера, теперь я воин, которому вручена судьба всего мира и спасение человечества!

– В чем же будет спасение человечества?...

¹ В этом плане вряд ли Платонова миновало влияние «Василия Теркина», так как в журнале «Знамя» за 1942, № 10 были напечатаны рассказ Платонова «Броня» и поэма А. Твардовского (окончание) // См. об этом: Спиридонова И. А. Указ. работа. С. 8.

- Это знает один фюрер.
- А ты...
- Я не знаю ничего, я не должен знать, я меч в руке фюрера, созидающего новый мир на тысячу лет.
- А ты сам-то уверен, что тогда будет хорошо? А вдруг тебя обманут?
- Вся моя вера, вся моя жизнь принадлежит Гитлеру! [Платонов 2012: 29]

Этот диалог обнажает суть фашистской идеологии: бывший «контрщик кирпичного завода» вдруг возвышается до причастности «судьбе всего мира и спасению человечества». При этом он не только не понимает, но и не стремится понять – в чем это «спасение»? Он лишь слепо верит Гитлеру!

В 1995 г. У. Эко отметит: «Вечный фашизм исповедует популистский элитаризм. Рядовые граждане составляют собой наилучший народ на свете. Партия состоит из наилучших рядовых граждан. Рядовой гражданин может (либо обязан) сделаться членом партии. Однако не может быть патрициев без плебеев. Вождь, который... власть... захватил силой, понимает также, что сила его основывается на слабости массы, и эта масса слаба настолько, чтобы нуждаться в Погонщике и заслуживать его» [Эко 2003].

Драматургический контекст «механических» людей

Вместе с тем спокойное «равнодушие» немецкого солдата, «проигрывающего» подобно «граммофонной пластинке» одни и те же мотивы, отправляет нас к давней теме А. Платонова – «механическим» людям.

Наиболее полно эта тема разработана им в драматургии 1930-х годов. Вальц «дышит» экзистенциальной близостью к «железному» Кузьме («Шарманка», 1930), Хозу и его спутнице – Интергом («14 Красных избушек», 1934). В начале 1950-х гг. этот ряд продолжит Чадоев – спецчеловек США («Ноев ковчег» (Каинов отродье)). Почему в 1930-е – 40-е годы данная тема оказалась столь важной для Платонова?

В. Е. Хализев, справедливо видя в Записных книжках Платонова «подобыскную» литературу, особо отметил важность суждений писате-

ля, относящихся к 1930-м годам, о революции 1917 года и ее следствиях: «Говорится о двух замыслах революции: первоначальном, который писателем сомнению не подвергается, и реально осуществленном, имеющем „литературное происхождение“... (150)¹. Революция литературного происхождения „была задумана в мечтах и осуществляется [первое время] для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей“ (171). Сбылось же иное: пролетарий „завоевал власть“ для „удивительной формации буржуазно-аппаратной демократии“, и в этом „горе человека великого времени“, ибо „чистый свет мира“ в революции оказался превращенным в бред» (82) [Хализев 2001: 27].

В векторе абсурдистской поэтики одним из художественных воплощений этого «брёда» становятся «механические» люди. «Родственная» связь с Вальцем маркируется «деревянным равнодушным голосом» Кузьмы. «Ревверсное» движение социально-политической жизни страны во многом определялось именно тем, что «сделанным» оказался не только Кузьма, но в равной степени и бюрократ Щоев, творцом которого стала власть «удивительной формации». Автор намеренно подчеркивает сходство героев: им обоим присуща такая черта как «важность», которая скрывает неспособность мыслить и действовать. Они живут, руководствуясь бдительным вниманием к «установкам».

Кузьма. ...Боюсь скатиться с установки... Живые – рады энтузиазму, а я сомневаюсь и покоен (104).

Щоев. Проверь мне через область телеграфом – не крадут ли в районе установок: десять суток циркуляров нет – ведь это ж жутко, я линии не вижу под собой! (68).

Родство «механического» героя и бюрократов подчеркивается не только «риторикой», но и одеждой: Щоев, его заместитель Евсей и Кузьма появляются в заграничных костюмах, изъятых у иностранца Стерветсена, а также откровенной мечтой заведующего кооперативной системой о замещении живых людей бездушными механизмами:

Щоев. «Механизмы... Что же, это отлично: сидит и крутится какое-нибудь научное суще-

¹ В круглых скобках указываются страницы Записных книжек Платонова.

ство, а я им руковожу <...> я бы всю республику на механизмы перевел и со снабжения снял» (81)

Этому ряду персонажей противопоставлен изобретатель Алеша. Как уже было замечено платоноведами, его образ отражает трагические перипетии собственной судьбы Платонова¹. Увлеченность Алеши утопическим проектом создания Нового человека напоминает юношу-Платонова первой половины 1920-х годов. Осознание того, что в результате получился «оппортунист», сломало Алешу. «Выдуманный» Кузьма «настолько отчуждается от своего творца, что становится для него и для дела, которому он служит, агрессивнo-угрожающей силой» [Хрящева 1998: 229].

Контрапункт мотивов: «болеющее сердце» – «сломатое сердце», говорит о разрыве между осознанием происходящего сердцем как средостением жизни и «мертвенным» сердцем, способным лишь «имитировать» живую жизнь [Матвеева, Хрящева 2009: 141–142].

Этот «разрыв» определит своеобразие мотива «механических людей» и углубит его до трагедийного звучания в «14 Красных Избушках». В первоначальном списке действующих лиц, который Платонов набрасывает в «Записных книжках», Хоз еще не имел фамилии, а значился как «Химический человек» [Платонов 2000: 113]. Сходный смысл мерцает в восприятии русским стрелком Рудольфа Вальца: «от его одежды пахло дезинфекцией и какой-то чистой, но неживой химией». Что же таится за внешней «метой родства»?

В окончательном варианте пьесы образ Хоza двойственен: сквозь образ мудрого старца мерцают черты капризного химического младенца. В Москву он приехал «по пустяку», ему захотелось «измерить светосилу той зари, которую... якобы зажгли» в стране Советов. На пути он встречает Суениту, председателя пастушьей артели на Каспии. Она увиделась Хозом отблеском той самой «зари», живым воплощением социализма, что становится источником его превращений, дающих надежду на отпадение от «бушующих пустяков». Он едет на Каспий. Но пройдя ряд «колхозных» метаморфоз, он убеждается, что рожденная Москвой «игровая»

идеология благополучно достигла берегов Каспия и сеет голод. Морок «Москвы проклятой!» отуманил сознание Суениты настолько, что даже голодная смерть собственного ребенка не в силах его сразу развезть:

Хоз. Где хлеб и овцы наши, я тебя спрашиваю!

Суенита. Их Ашурков на нашем паруснике домой <...> везет.

Хоз. Какой Ашурков?

Суенита. Бантик бывший <...> С ним агент ГПУ плывет <...>

Суенита. А Федьку Ашуркова я велела ГПУ простить и дать мне на воспитание <...>

Хоз. Значит это и есть классовая борьба! Ну что ж – пускай вращаются пустяки!

Суенита. А ты думал, это одно убийство!

Хоз. Хорошо. Классовый враг нам тоже необходим: превратим его в друга, а друга во врага – лишь бы игра не кончилась. А есть чего мы будем <...>?

Суенита. Химию, старичок! Ты игры не понимаешь! [Платонов 2006: 187–188]

«Заря» новой жизни как символ Преображения бытия увиделась Хозу «игрой», «вращающимися пустяками». Судя по обстоятельной разработке феномена «пустяковости» в творчестве А. Платонова данного периода, герой транслирует авторскую позицию.

В свою очередь, несмотря на то, что в сознании Хоza «живет» определенный сегмент «сконструированности», о чем говорят его «младенческие капризы»: требование «молочка», необходимость постоянно «глотать» порошки и пилюли ассоциируются не столько с процессом еды, сколько с подзарядкой какого-то механического устройства, – несмотря на все это он находит в себе силы прозреть смысл своего собственного Творения – европейской женщины Интергом.

Сущие «пустяки» впечатлений героини от Москвы вблизи голодной смерти, «сжимающей» пастушью артель, изображены автором макароническим языком, который великолепно передает полное отсутствие в Интергом каких-либо душевно-человеческих качеств:

«Мое тело прогрессирует от вашей страсти»;

«Господин Уборняк <...> триумфальный мужчи-

¹ В. Свительский отметит: «...писатель сам предсказал себе судьбу, раскрыв на примере Алеши в «Шарманке» смысл и процедуру «проработок», вошедших в социальную практику: власти при помощи послушного собрания разделяются с героем, который позволял себе быть независимым» [Свительский 1993: 89, 90].

на! Я жила прелестно и физиологически, но он не марксист, и у него взяли... как она зовется?.. лошадь, на которой делают карьеру!»; «Я теперь марксистка <...> это так нетрудно и приятно <...> Я в партию хочу, я буду бороться!! Только я одно забыла, мне советовали быть как можно... сознательней? – серьезней?.. Нет!.. еще как-то быть!..».

Хоз. Бдительной! [Платонов 2006: 160, 200–201]

Прозрев сущую «пустяковость» Интергом как своего изобретения, Хоз «обрывает ей дыхание».

Нельзя не заметить, что все «механические» персонажи Платонова объединены одним мотивом: расправой с ними их творцов. Причем эти акты не выглядят убийством человека, скорее это осознание Изобретателями своего творения как Неудачи. Причем «пустяковость» механических людей дается автором по восходящей. Об этом говорит диалог Суениты с Хозом:

– За что ты убил ее?

– Она опасна для тебя и всего... социализма – она опасней старого империализма [Платонов 2006: 203].

Почему сделан акцент на столь высокой «опасности» Интергом? Хоз увидел в лице своего творения главную причину голода – Москву, забывшую заботиться о своем народе, погрузившуюся в пустотосозидание посредством бумажных циркуляров.

Парадигма «механических» людей в военных рассказах Платонова

В военных рассказах («Неодушевленный враг», «Пустодушие», «Молодой майор (Офицер Зайцев)», «Счастливый корнеплод» и др.) Платонов продолжает тему «механических» людей на ином, тщательно завуалированном уровне. Потаенный смысл этих рассказов приоткрывают записи Платонова 1941–42 гг.

Тюрьмы, лагеря, войны, развитие материальной цивилизации (за счет увеличения труда, ограбления сил народа) – все это служит одной цели: выкосить, ликвидировать, уменьшить человеческий дух, – сделать <человечест>во покорным, податливым на рабство (ЗК, 218).

Об уменьшении в человеке духовной основы до степени превращения его в раба написан рассказ «Неодушевленный враг». Фигура немецкого солдата Рудольфа Оскара Вальца – в определенной степени прием чисто художественного остранения [Свительский 1992: 46–48], один из частотных в поэтике Платонова.

Продолжим наблюдение над диалогом героев. Русский стрелок задает Вальцу прямой вопрос:

– А какой же ты сам по себе? Я расслышал, как Вальц вздрогнул и вытянул ноги – строго, как в строю.

– Я не сам по себе, я весь по воле фюрера! – отрапортовал мне Рудольф Вальц.

– А ты бы жил по своей воле, а не фюрера! – сказал я врагу. – И прожил бы ты тогда дома до старости лет, и не лег бы в могилу в русской земле.

– Нельзя, недопустимо, запрещено, карается по закону! – воскликнул немец.

Я не согласился:

– Стало быть, ты что же, – ты ветوشка, ты тряпка на ветру, а не человек!

– Не человек – охотно согласился Вальц. – Человек есть Гитлер, а я нет. Я тот, кем назначит меня быть фюрер! [Платонов 2012: 31].

Некий сарказм этого диалога направлен на прямолинейное изображение инволюции человека как существа, превращение его в неодушевленность, говорящий механизм, что подчеркнуто уподоблением Вальца «граммофонной пластинке».

Это превращение совершается путем подчинения человека стереотипам массового сознания, насаждаемым идеологией «вечного» фашизма». Этапность подчинения определяется разрушением «трипостасности», данной человеку Творцом. Прежде всего, «усыхает» духовная составляющая личности: у Рудольфа Вальца парализуется способность самостоятельно мыслить, осознавать мир и свое место в нем. И. А. Спиридонова справедливо говорит о наличии в «Неодушевленном враге» теологического подтекста. Она цитирует летописный рассказ волхвов о происхождении человека из «ветошки»¹ и приходит к следующему выводу: «Эпитет „ветхий“ в военных рассказах Платонова не яв-

¹ «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. Изаспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, – в землю

ляется концептуальным тропом <...> перестает быть главной <...> онтологической характеристикой» [Спиридонова 2014: 114].

Сложнее обстоит дело с «ликвидацией» души. Вальц не лишен многих эмоций. Он тоскует по родине, помнит о слепой матери и своих детях, но эта память в нем «второстепенна», она подчинена автоматическому рефлексу во что бы то ни стало «убивать русских», чем и определяются поступки врага. Он пытается одолеть русского стрелка при помощи подлой уловки, затем делает попытку разжалобить его, наконец, просит нашего бойца о том, «чтоб он умер» [Платонов 2012: 33] за него.

Таким образом, Вальц воплощает собой тип онтологического мутанта, сконструированного по подобию механического устройства. Русский солдат дает ему точную характеристику: бытийственно он «дурак», не понимающий своего места в мире; интеллектуально – «идиот»; нравственно – «холуй» [Платонов 2012: 33]. Это сочетание качеств автор-рассказчик маркирует словом «мерзкий» [Даль 2000: 835], несовместимый с живой жизнью.

Такая оценка позволяет увидеть смерть Вальца в ряду расправ Творцов со своими неудачными творениями. Русский стрелок, подобно Алеше и Хозу, расправляется с Вальцем как «неодушевленной сущностью».

«...и с беспамятством ненависти, возродившей мощь моего сердца, я обхватил и сжал тело Рудольфа Вальца в своих руках. Затем мы в борьбе незаметно миновали сыпучий грунт и вывалились наружу под свет звезд. Я видел этот свет, но Вальц глядел на них уже неморгающими глазами: он был мертв, и я не запомнил, как умертвил его, в какое время тело Рудольф Вальца стало неодушевленным» [Платонов 2012: 34]¹.

Во всех трех случаях акцент делается не столько на убийстве, сколько на акте «преры-

вания дыхания» Творцом у своего творения как неудачного.

Вместе с тем для писателя, призванного в действующую армию в 1942 году, становится совершенно очевидным, что «механическое» начало как неизбежная часть бытийственных проявлений имеет «разное выражение лица». Одно из них – рационализм, связанный с упованием на технический прогресс. В рассказе «Пустодушие» (1943) капитан В. К. Теслин допрашивает попавшего в плен немецкого лейтенанта Курта Фосса, удивляясь его спокойствию «до равнодушия» (252). На вопрос капитана:

– Зачем ваши солдаты мучили мертвого?

Фосс отвечает:

– Наш солдат учится управлять русским противником... Тела человека не надо бояться: в нем физика, химия, теплота, холод... оно машинка [Платонов 2012: 254].

Курт Фосс видит в человеке подобие технического устройства, «машинки». Его мысль при этом не пересекается с душевно-чувственной сферой. Он ценитель «ясности».

Вслушиваясь в слова пленного, капитан осознает, что такой «машинкой» и является Фосс, так как он есть лишь «какая-то часть человека; он... подобен телу о двух измерениях» [Платонов 2012: 255].

Курт Фосс видится еще одним подобием «механического» существа. Для него... мир нуждался только в германской рациональности и четкости, когда «плохие машинки» будут обслуживать «хорошие машинки». Однако отношение к технике у фашистов неоднозначное, что отмечает У. Эко².

С позиций «нравственно ориентированной философии жизни» (В. Е. Хализев) характер взаимоотношения механического и органи-

идет тело, а душа к богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил Вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!» [Памятники литературы Древней Руси 1978: 191].

¹ Данное прочтение дополняет мифопоэтический анализ финала, предложенный Е. А. Яблоковым: «... в „Неодушевленном враге“ уход в „материнское лоно“, в „утробу земли“ предстает залогом воскрешения перерождения... пережитое ими (русским стрелком и Вальцем) глубокое душевное и физическое потрясение вполне сопоставимо с актом появления на свет ... Правда, „рождение“ совершается ими, так сказать, „в разных направлениях“: герой-рассказчик рождается в жизнь (конечно, жизнь по воскрешению – это уже „иное“ бытие, нежели раньше); что касается Вальца, то он „рождается“ в смерть (парадокс вполне в духе логики Платонова, для которого смерть не тождественна полному небытию)» // Яблоков Е. А. Указ. работа. С. 55–65.

² У. Эко отмечает: «...немецкие нацисты вроде бы обожали технику <...> Но, по сути дела, нацизм наслаждался лишь внешним аспектом своей индустриализации. В глубине его идеологии главенствовала теория Blut und Boden – „Крови и почвы“. Отрицание современного мира проводилось под знаком отрицания капиталистической современности. Это, по существу, отрицание духа 1789 года (а также, разумеется, 1776-го) – духа Просвещения» [Эко 2003: 49].

ческого начал бытия, техники и человека проясляет статья Платонова «О первой социалистической трагедии»:

«Между машиной и природой принципиально трагическая ситуация <...> Рабочий класс... приобрел такой творческий технический потенциал, что, будучи облагоустроенным социализмом, он создает технику, способную в течение одного-двух десятилетий сделать его разумом природы <...> Но сам человек меняется медленнее, чем он меняет мир. Именно здесь центр трагедии. Для этого нужны творческие инженеры человеческих душ. Они должны предупредить опасность опережения человеческой души техникой» [Платонов 2011: 641–642].

Главную опасность таит в себе отсутствие равновесности в изменении человека и мира. Сходную тревогу высказывает У. Хайдеггер:

«Угроза человеку идет даже не от возможного губительного действия машин и технических препаратов. Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство по-става грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [Хайдеггер 1993: 234].

Человеческая ущербность Курта Фосса связана с отсутствием души как средоточия жизни.

Он не допускает... тайны и глубины, которая бывает темной и смутной, и нужно напрягать зрение и сердце, чтобы разглядеть истину во тьме и вдали;

Его научили не понимать, а уничтожать непонятное и тем решать задачу;

...Я ему не мог объяснить, что только за гранью себя, за чертою «ясного и понятного» может начаться нечто значительное...;

...Этот же человек, кроме себя и себе подобного, все остальное считал излишним... и враждебным [Платонов 2012: 255].

В этих примерах являет себя все неприемлемое для Платонова, что связано с рационалистической направленностью мышления, с неосердеченной мыслью, влекущей за собой воинствующий эгоизм; с отсутствием истинных знаний, подмененным «расхожим» набором интеллектуальных суждений.

Результаты исследования

Судьба определила А. Платонову быть участником двух войн: в юности – Гражданской, в зрелости – Великой Отечественной. Недавно опубликованные Записные книжки показывают понимание писателем предвоенного десятилетия с такой глубиной и точностью, какая была невозможна для него как художника. Именно записи Платонова дают основание для шифровки его образной «тайнописи». В 1930-е годы писатель окончательно расстался со многими иллюзиями: отказался от традиционной литературности, освоил новую поэтику, адекватную «бредовой» реальности настоящего, – поэтику абсурда. Прибегая к ее языку, Платонов в драматургии 30-х годов показал процесс обесмысливания мира, творимого прорвавшимися к власти «официальными революционерами», которым не было дела до народа, его бед и отчаяния. Осознание драматургом исторической и экзистенциальной тупиковости «прорывается» в пьесах абсурдистскими приемами, такими как: катахреза, остранение, метаморфоза, означаемое без означющего. Это позволило художнику «грубо и зримо» воссоздать центральные онтологические фигуры его времени: бюрократа, мастера, революционера в их диалектической взаимоотношенности.

В этой связи угрозу современному миру Платонов увидел в «механическом» начале, возобладавшем в человеке власти и превращенном Мастером – мечтателем в ожившую конструкцию, «механического» человека. В идеологии фашизма Платонов разглядел «идеальную» почву для укоренения в бытии «механических» людей. Прибегая к приему «расщепления» образа на два антиномичных персонажа: русского безымянного стрелка и немецкого унтер-офицера Рудольфа Оскара Вальца, писатель делает акцент на фантомности последнего, его «выдуманности» автором-рассказчиком. Поэтому сюжетное движение рассказа определяется овнешненным диалогом автора. Уподобление сознания немца «граммофонной пластинке» делает его «родственником» железному «Кузьме» («Шарманка»), Интергом («14 Красных Избушек»), что позволяет увидеть в фигуре немецкого солдата прием чисто художественного остранения. Подтверждением этого является смерть Валь-

ца. Она дана в ряду расправ Творцов со своими неудачными творениями. Русский стрелок расправляется с Вальцем как неодушевленной сущностью.

Литература

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. Т. 2 / В. Даль. – М. : ТЕРРА, 2000. – 1024 с.
Матвеева, Н. В. Ситуация приезда иностранцев в пьесах А. Платонова: «Шарманка», «14 Красных избушек», «Ноев ковчег (Каинов отроде)» / Н. В. Матвеева, Н. П. Хрящева // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 10: Поэтика драмы в литературе XX века / ред. Т. Л. Рыбальченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.

Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступит. статья Д. С. Лихачева ; сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. – М. : Худож. лит., 1978. – 413 с.

Платонов, А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / А. П. Платонов ; публикация М. А. Платоновой ; составление, подготовка текста, предисловие и примечания Н. В. Корниенко. – М. : Наследие, 2000. – 424 с.

Платонов, А. П. Ноев ковчег: Пьесы / А. П. Платонов. – М. : ВАГРИУС, 2006. – 464 с.

Платонов, А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 / А. П. Платонов ; сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. – М. : Время, 2012. – 544 с.

Платонов, А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / А. П. Платонов ; сост., комментарии Н. В. Корниенко ; подготовка текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. – М. : Время, 2011. – 720 с.

Платонов, А. П. Чевенгур / А. П. Платонов ; сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. – М. : Высш. шк., 1991. – 654 с.

Свительский, В. А. Английская тема в русской прозе: от Н. Лескова к Е. Замятину и А. Платонову / В. А. Свительский // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века : материалы межд. науч. конф. – 1992.

Свительский, В. А. Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия / В. А. Свительский // А. Платонов. Исследования и материалы. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993.

Спиридонова, И. А. Под небесами Родины: Художественный мир военной прозы А. Платонова / И. А. Спиридонова. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2014. – 145 с.

Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

Хализов, В. Е. Платонов мыслитель в контексте современной ему философии (О «Записных книжках» писателя) / В. Е. Хализов // Постсимволизм как явление культуры. Вып. 3. – М. ; Тверь, 2001.

Хрящева, Н. П. «Кипящая вселенная» А. Платонова: динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов / Н. П. Хрящева. – Екатеринбург ; Sterlitamak, 1998. – 323 с.

Хрящева, Н. П. Из идеи в тело: о характере изображения персонажей в «Чевенгуре» А. Платонова / Н. П. Хрящева, Ф. И. Хрящев // In Memoriam: Иосиф Васильевич Трофимов. – Daugavpils Universitate ; SAULE, 2009.

Эко, У. Пять эссе на темы этики / У. Эко ; пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб. : Симпозиум, 2003. – 158 с.

Яблоков, Е. А. Мотивная структура рассказа Андрея Платонова «Неодушевленный враг» / Е. А. Яблоков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 5.

References

Daľ, V. (2000). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 2. Moscow, TERRA. 1024 p.

Eco, U. (2003). *Pyat' esse na temy etiki* [Five Essays on Ethics] / transl. by E. A. Kostyukovich. Saint Petersburg, Symposium. 158 p.

Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika. 447 p.

Khalizov, V. E. (2001). Platonov myslitel' v kontekste sovremennoi emu filosofii (O «Zapisnykh knizhках» pisatelya) [Platonov is a Thinker in the Context of Contemporary Philosophy (About the Writer's "Notebooks")]. In *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury*. Issue 3. Moscow, Tver.

Khriashcheva, N. P. (1998). «Kipyashchaya vseennaya» A. Platonova: dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov [“The Boiling Universe” by A. Platonov: The Dynamics of Image-making and World-comprehension in the Writings of the 20s.]. Ekaterinburg, Sterlitamak. 323 p.

Khriashcheva, N. P., Khriashchev, F. I. (2009). Iz idei v telo: o kharaktere izobrazheniya personazhei v «Chevengure» A. Platonova [From Idea to Body: About the Character of the Image of Characters in A. Platonov's "Chevengur"]. In *In Memoriam: Iosif Vasil'evich Trofimov*. Daugavpils Universitate, SAULE.

Likhachev, D. S. and Dmitriev, L. A. (Eds.). (1978). *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Nachalo russkoi literatury. XI – nachalo XII veka* [Monuments of Literature of Ancient Russia. The Beginning of Russian Literature. XI – The Beginning of the XII Century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 413 p.

Matveeva, N. V., Khriashcheva, N. P. (2009). Situatsiya priezda inostrantsev v p'esakh A. Platonova: «Sharmanka», «14 Krasnykh izbushek», «Noev kovcheg (Kainovo otrode)» [The Situation of the Arrival of Foreigners in A. Platonov's Plays: "Hurdy-Gurdy", "14 Red Huts", "Noah's Ark (Cain's Spawn)"]. In Rybalchenko, T. L. (Ed.). *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog. Issue 10: Poetika dramy v literature XX veka*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Platonov, A. P. (1991). *Chevengur* [Chevengur] / Comp., intro. article., comment. of E. A. Yablokov. Moscow, Vysshaya shkola. 654 p.

- Platonov, A. P. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography] / Publication by M. A. Platonova, Compilation, Preparation of the text, Preface and Notes by N. V. Kornienko. Moscow, Nasledie. 424 p.
- Platonov, A. P. (2006). *Noev kovcheg: P'esy* [Noah's Ark: Plays]. Moscow, VAGRIUS. 464 p.
- Platonov, A. P. (2011). *Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika* [Literature Factory: Literary Criticism, Journalism] / Comp., comments by N. V. Kornienko, Preparation of the text by N. V. Kornienko and E. V. Antonova. Moscow, Vremya. 720 p.
- Platonov, A. P. (2012). *Smerti net! Rasskazy i publitsistika 1941–1945* [There is No Death! Short Stories and Journalism 1941–1945] / Comp., text preparation, comments by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya. 544 p.
- Spiridonova, I. A. (2014). *Pod nebesami Rodiny: Khudozhestvennyi mir voennoi prozy A. Platonova* [Under the Skies of the Motherland: The Artistic World of Military Prose by A. Platonov]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet. 145 p.
- Svitelsky, V. A. (1992). Angliiskaya tema v russkoi proze: ot N. Leskova k E. Zamyatinu i A. Platonovu [English Theme in Russian Prose: From N. Leskov to E. Zamyatin and A. Platonov]. In *Voronezhskii kraj i zarubezh'e: A. Platonov, I. Bunin, E. Zamyatin, O. Mandel'shtam i drugie v kul'ture XX veka: materialy mezhd. nauch. konf.*
- Svitelsky, V. A. (1993). Fakty i domysly: o problemakh osvoeniya platonovskogo naslediya [Facts and Conjectures: On the Problems of Mastering the Platonov's Heritage]. In *A. Platonov. Issledovaniya i materialy.*
- Yablokov, E. A. (1999). Motivnaya struktura rasskaza Andrey Platonova «Neodushevlyenni vrag» [The Motif-Centered Structure of Andrey Platonov's Story "Inanimate Enemy"]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. No. 5.

Данные об авторе

Хрящева Нина Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: ninaus.fk@yandex.ru.

Author's information

Khriashcheva Nina Petrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 13.06.2022; дата публикации: 29.06.2022

Date of receipt: 13.06.2022; date of publication: 29.06.2022